

Мария Заболотская

*Рыжая
племянница
лекаря
Книга 3*

УДК 82-312.9
ББК 84(2)
3-12

Мария Заболотская

3-12 Рыжая племянница лекаря. Книга 3 / Заболотская Мария. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 318 с. — (Рыжая племянница лекаря).

Тайны чародеев, живых и мертвых, открываются рыжей девочке одна за другой, сплетаясь в одну старую темную сказку, где говорится о крови, боли и обмане. Йель отважно следует за Хорвеком, своим проводником в мире магии, доверяя ему больше, чем самой себе. У них одна цель — узнать главный секрет злой ведьмы, но на пути к разгадке придется повстречаться с новыми врагами и мстительными призраками прошлого...

BIC FM
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90920-9

© Мария Заболотская
© Татьяна Папушева, обложка
© Т8 Издательские технологии, 2020

...Я все так же продолжала сидеть на парапете, не зная, что сказать Хорвеку, разглядывавшему с отсутствующим видом суету около костра.

Не припомню, с какими словами он обратился ко мне. Скорее всего, просто предложил отправиться на поиски стола и крова, и я молча кивнула, поспешно поднимаясь с места. Не знаю, какое чувство громче говорило во мне — трусливое облегчение из-за того, что идущий впереди Хорвек сейчас так спокоен и равнодушен; или же разочарование — ведь он молчал, а я так хотела услышать рассказ о Белой Ведьме из его уст — правдивый рассказ!..

Вновь и вновь перед моими глазами вспыхивали языки пламени, в котором сгорали соломенные куклы. Воображаемый огонь был так же горяч, как и настоящий — от него пылали щеки и сбивалось дыхание. Вскоре мне начало казаться, что я изнемогаю из-за внезапного приступа лихорадки, и единственным лекарством от этой странной болезни были ответы на вопросы.

— Сколько тебе было лет тогда? — выпалила я, не в силах более сдерживаться.

Хорвек оглянулся, и я сжалась, ожидая увидеть, что его лицо искажено гневом или страданием. Но нет — он бегло улыбнулся, глядя на меня с насмешливым сочувствием.

— Ты неисправима, Йель, — сказал он. — Любопытство в тебе никогда не проиграет страху, и уж тем более не уступит доводам рассудка.

Я зажмурилась, не в силах выдержать его взгляда, и повторила, из-за шума в ушах едва слыша свой голос:

— Так сколько тебе было лет, когда это случилось?

— Двенадцать или тринадцать, — ответил он, и я поняла, что он все так же идет вперед, не замедляя шаг.

— Но в том представлении... — начала я нерешительно, и он рассмеялся.

— Не стоит верить всему, что показывают бродячие актеры на площадях. Успокой свое жалостливое сердце, Йель. Я вовсе не был в ту пору младенцем, люди многое позабыли... или не захотели помнить. Король находился во власти Белой Ведьмы пятнадцать лет, и в ту пору ее называли настоящей правительницей Юга. При ней королевство было сильно и богато, как никогда ранее. От таких воспоминаний и в самом деле лучше избавиться, иначе может показаться, что король был не так уж мудр, а ведьма — не так уж зла.

— Так значит, ты все помнишь! — воскликнула я, и, позабыв об осторожности, схватила Хорвека за руку, принуждая замедлить шаг. — Что тогда произошло на самом деле?

— Ты же видела все сама, — он посмотрел на меня то ли с досадой, то ли с недоумением, но руку высвобождать не спешил. — Увы, вряд ли я смогу прибавить этой истории красок. Память народная, хоть и ошибается порой в главном, удивительно цепка в мелочах. Под окнами дома ведьмы и впрямь была кованая ограда, украшенная острьями. Что еще ты хочешь знать?

— Тебе... было больно? — я и сама понимала, сколь глуп этот вопрос, оттого вжала голову в плечи, ожидая гневной отповеди.

— О, да, — согласился Хорвек. — Весьма неприятный опыт. Но к чему сейчас об этом вспоминать? Разве у твоего болтливого дружка Харля не имелось в запасе десятков сказок, где колдуний казнили, а чудовищ, порожденных их колдовством, убивали? Правое слово, они должны были давно тебе приесться.

Я вздрогнула, и разжала пальцы, отпуская его руку. Множество вопросов, вертевшихся на языке — что было дальше? Как он очутился при Темнейшем дворе своего отца? Что помнит о матери?.. — вдруг показались совершенно пустыми и бессмысленными, ведь Хорвек был прав: старая сказка закончилась так, как ей было положено, и добро в ней победило зло.

— Мне так жаль, — прошептала я. — О, как мне жаль!..

Ответа на мои слова не последовало, да я его и не ждала, понимая, как жалко и нелепо выглядит мое сочувствие. Да и поверил ли Хорвек в него?.. Еще недавно я сама бы плясала около костра вместе с веселой толпой, со смехом выкрикивая пожелания гореть всем колдуньям в преисподней, и он об этом знал. Чего стоили мои слова в его глазах? Мои суждения были грубы и поверхностны, мой ум — темен, а знаний хватило бы разве на то, чтобы нацарапать пару скабрёзностей на стене... Ох, да я попросту оскорбила его своей жалостью — еще сильнее, чем навязчивым любопытством!..

Пока я предавалась страстному самобичеванию, приступы которого, по загадочным причинам, одолевали меня все чаще, Хорвек, ведомый безошибочным чутьем, отыскал для нас пристанище: уютную старую гостиницу, у хозяйки которой нашлось достаточно горячей воды и мыла для того, чтобы придать нам респектабельный вид. Еще спустя пару-тройку часов мы уже примеряли новую одежду, снесенную служанками со всего города — то-то неожиданный праздник случился в местных лавках!.. Хорвек, разумеется, был недоволен тем, как сидит готовое платье, но у нас не имелось времени, чтобы снять мерки и заказать наряды у портного. Если бы я знала бывшего демона чуть хуже, то могла бы поверить, что единственное и сильнейшее его беспокойство — ширина манжет: он сосредоточенно рассматривал и отбрасывал одну рубашу за другой, проявляя чудеса придирчивости, пока, наконец, не совершил свой выбор.

Я же, напротив, безо всякого интереса ковыряла пальцем подолы платьев, брошенных поперек кровати. Еще недавно я бы обмерла от счастья, получив в подарок столько нарядов, уж точно не вызывавших в памяти платье служанки, но теперь меня не радовали ни перламутровые пуговицы, ни тесьма, ни узорчатые пояса. Что там! Даже увидав в зеркале, что лицо мое обрамлено отросшими рыжеватыми прядками, почти как в прежние времена, я не обрадовалась, а лишь вздохнула, приглаживая топорщащиеся кудряшки.

Однако стоило отдать должное усилиям служанок и цирюльника, спешно вызванного в гостиницу: по меньшей мере, Хорвек точно стал выглядеть другим человеком, и только синие рисунки

на его руках теперь выдавали в нем искателя приключений. Безжалостно были сострижены косички с намертво вплетенными туда бусинами и цветными нитями, на лице не осталось ни единого варварского украшения — и мне подумалось, что сейчас Хорвек окончательно победил Ирну-северянина, остатки желаний которого еще теплились в оживленном черной магией теле. В том, как он теперь держал голову, как отдавал приказы, чувствовалась другая стать, доселе мне незнакомая.

Неудивительно, что девочка, вечером подошедшая к нашему столу в большом зале гостиницы, куда мы спустились поужинать, недоверчиво обратилась к нам по имени, словно не веря, что мы откликнемся на этот робкий призыв. Да и я не сразу сообразила, что видела ее при бродячем театре — перед ней и несколькими ее юными приятелями Хорвек показывал свои фокусы прошлой ночью.

— Сударь, неужто это вы? — робко спросила она, разглядывая бывшего демона со страхом и восхищением. — Я еле разыскала вас! Вы помните меня? Я Ларго, дочь Домилы, лицедейки...

Домилой звали женщину, которая тяжело кашляла у костра. Наверняка это она изображала сегодня Белую Ведьму — я не узнала ее из-за измазанного белилами лица, но теперь запоздало вспомнила, как хрипло и отрывисто она выкрикивала свои угрозы и проклятия. Тяжело, должно быть, далась ей роль — накануне ночью приступы кашля беспрестанно гнули ее к земле.

— Да, Ларго, я помню тебя, — ответил Хорвек, глядя на девочку со странным выражением. Мне внезапно показалось, что он ждал ее — или кого-то похожего на нее.

— О, сударь, простите, если я скажу что-то дурное... — Ларго говорила торопливо, тихо, иногда сбиваясь на тихий плач. — Прошу вас, не гневайтесь, лучше посмейтесь надо мной, если мои слова покажутся вам глупыми, и я уйду, обещаю вам. Я и сама знаю, что нельзя в такое верить, но... Но вы ведь не простой фокусник-ловкач, а настоящий чародей?

Последние слова она произнесла едва слышно, прижав руки к впалой детской груди, но глаза ее блестели ярче огня в большом очаге.

От ужаса я выронила ложку: худенькая девочка вдруг показалась мне созданием куда более страшным, чем гарпия или оборотень. Она разгадала, что Хорвек колдовал! А колдунов сжигают, бросают на острые пики, сбрасывают в реку, заковав в цепи — только сегодня я видела, как танцуют люди вокруг костра, радостно вспоминая, что когда-то уничтожили Белую Ведьму! Враз охрипнув, я попыталась было воскликнуть: «Нет! Что за глупость! Убирайся отсюда!», но только закашлялась. А Хорвек, широко улыбнувшись, жестом показал девочке, чтобы та присела за наш стол, и так же тихо, но безо всякого волнения спросил:

— И что же тебе понадобилось от чародея, Ларго?

— Так это правда! — ее лицо озарилось дикой, страшной радостью, тут же сменившейся испугом, но вовсе не тем, которого я более всего опасалась. — Или вы решили подшутить надо мной, господин?.. Прошу вас, не обманывайте меня ради потехи!

— Тише ты! — свирепо прошипела я, обтирая ложку и оглядываясь по сторонам. — Кто тебя надоумил приставать к нам с такими вопросами?!

— Никто, — она растерянно заморгала, явно собираясь заплакать, и повернулась к Хорвеку, ища у того поддержки. — Я просто подумала... Эти фокусы — они ведь не были похожи на обман! Ведь вы не обманывали нас, сударь?.. Мы видели настоящие чудеса! От них в голове начинало легонько жужжать, и дыхание перехватывало, как будто сейчас случится что-то прекрасное... или ужасное...

— Уж поверь мне, скорее всего — второе, — буркнула я, вконец растерявшись. Ларго смотрела на Хорвека так, словно он был божеством, спустившимся с небес, а демон молча ожидал каких-то ее слов — я готова была поклясться в этом!

— Эти ваши чудеса... — девочка шептала горячо и восторженно. — Вам же ничего не стоит их совершить? Вы просто прочитаете свое заклинание, и любое желание тут же исполнится...

— Не совсем так, — Хорвек, словно очнувшись на мгновение ото сна, усмехнулся. — Бывают разные желания, и разные заклинания... Что за желание у тебя, Ларго?

— Моя матушка... — девочка говорила все быстрее. — Она больна, ей с каждым днем хуже! Я слышала, как лекарь, которого

к ней приводили, сказал, что от ее болезни нет лекарств. Она так страдает, господин! Иногда утром у нее не хватает сил подняться на ноги, а губы у нее все в крови. Гри говорит, что не станет таскать ее за собой, мол, пользы от болящей мало. Чтобы уменьшить боль, она пьет самое крепкое вино, и засыпает мертвым сном... Вот и сейчас она спит в повозке, пока остальные гуляют в кабаке. Сударь, прошу вас, прогоните колдовством ее болезнь!

Хорвек молчал, бог весть о чем задумавшись, и я, испытывая сильнейшую неловкость, забормотала, избегая смотреть в заплаканные глаза Ларго:

— Тебе бы в храм сходить, да попросить о милости богов...

— Я бывала во всех храмах, которые попадались на нашем пути, — ответила она, и в голосе ее прозвучало что-то недоброе, отчаянное. — В последнем я даже украла вот эту щепку — люди говорили, что она творит всякие чудеса, потому что ее отломили от посоха какого-то святого. Но сколько не прикладывала я ее ночью к груди моей бедной матушки — ничего не переменялось. Сударь, возьмите ее себе, если вам угодно! Я слыхала, чародеям для их зелий нужны порой святыни...

— И ты не боишься прогневать богов таким святотатством? — с доброжелательным любопытством спросил у Ларго Хорвек, осторожно приняв из ее рук почерневший кусочек дерева.

— Пусть гnevаются! — мрачно и решительно ответила она. — Они же не слушали меня, когда я просила их по-доброму! О, сударь, вы поможете моей маме? Правда?..

И опять я не знала, что больше меня страшит: возможный ли отказ Хорвека, казавшийся самым разумным решением, или же его согласие помочь Ларго. Внезапно я сообразила, что существо, столько раз спасавшее меня, не может быть полностью бесчувственно к людскому горю. Однако, сегодняшнее представление... что за воспоминания могло оно пробудить в бывшем демоне? Домила, о спасении которой его сейчас умоляли, изображала Белую Ведьму, показывая ее злобным и мерзким чудовищем, заслужившим смерть в огне. С чего бы Хорвеку сочувствовать ее беде?..

— Ну что же, — он вертел в руках щепку, словно она и вправду представляла собой какую-то ценность. — Славная плата, маленькая Ларго. Раз ты угадала во мне колдовство и не побоялась его —

я помогу твоей матери, чем смогу. Веди нас к ней, но так, чтобы об этом никто не узнал.

— Сударь!.. Ах, сударь!.. — Ларго заплакала, но тут же вскочила, утирая глаза обтрепанным рукавом. — Да, я проведу вас! Там нет никого, я говорила... Сегодня собрали много денег, и Гри позвал всех гулять в кабак на площади. Остались только Лив и Соммер, мальчишки, но они стащили немного сладкого вина и спят еще крепче, чем матушка. Идемте! Идемте же!..

И мы, накинув новые плащи, последовали за быстроногой Ларго, которая постоянно оглядывалась на Хорвека, словно опасаясь, что тот в любой миг исчезнет.

— Ох, до чего опасное нехорошее дело! — ворчала я в спину Хорвеку, не в силах определиться, верно ли мы поступаем или же нет. — Узнает кто о том, что ты колдуешь, и нам конец! Вздумалось же тебе показывать этим детишкам свои фокусы... Видишь — не так уж глупы люди! Малолетняя девчонка — и та обо всем догадалась!

— Ты еще не знаешь, Йель, как трудно утаить магию, — ответил Хорвек. — Если засыпать источник камнями — вода все равно найдет щель. Или ты думаешь, что можно колдовать лишь для себя, забившись в темный угол? Не только маги тщеславны, но и само колдовство. Оно всегда хочет быть узанным, всегда желает поклонения... Дети восприимчивы, и девочка услышала то, что ей нашептывала тайная сила. Чем больше я буду уметь, тем громче будет этот шепот, и куда бы мы не пришли — тут же все вспомнят о колдовстве, и из ниоткуда явится мысль, что в городе появился маг... Всегда найдется человек, которому необходимо чудо — так необходимо, что ради него можно прогневать и самих богов... В этом и состоит главная беда: чародей не может не колдовать, а люди не могут не просить его о помощи. Даже в этих краях, где так любят представления, в которых за чародейство карают огнем.

— А рыжая колдунья? — задумчиво спросила я. — Она же затуманила головы всем таммельнцам!..

— На это требуется много сил. Тебе пока что не понять, насколько она сильна, Йель. Но даже ее истощает эта игра в прятки, и долго ей так не продержаться. Оттого-то и страшна судьба чародеев в нынешнее время, оттого они так ненавидят этот порядок:

скрываться ото всех — тяжелый, изнурительный труд, забирающий у мага почти все силы, — и Хорвек смолк, задумавшись о чем-то своем, как это у него было заведено.

Повозка, где коротала свою тяжкую ночь Домила, стояла на пустыре между старыми домами предместья. Рядом догорал костер, у которого спала старая тощая собака, охранявшая скудное добро актеров. Рядом с ней вповалку лежали детишки, видимо, гревшиеся у костра, да так и задремавшие. Кто-то — должно быть, Ларго — накрыл их пестрым одеялом, а большего удобства эти вечные бродяжки и не знавали.

Когда мы подошли поближе, собака проснулась и оскалила зубы, но девочка негромко свистнула, и животное завиляло хвостом, узнав ее.

— Матушка там, внутри, — тихо произнесла Ларго. — Она выпила много вина, поэтому не проснется. Прошу вас, помогите ей...

Хорвек ответил ей серьезным взглядом, в котором я не заметила жалости или сочувствия, однако его хватило, чтобы девочка немного успокоилась.

— Побудь здесь, с Йель, — сказал он ей. — Я посмотрю, чем можно помочь твоей матери, и если это в моих силах — ее страдания облегчатся.

Мы с Ларго покорно уселись около костра, подбросив перед тем в огонь пару веток, и, не сговариваясь, опустили глаза, чтобы ненароком не взглянуть лишний раз на повозку, внутри которой происходило сейчас нечто темное и запретное. Огонь трещал, посапывали дети, и собака глухо ворчала, ловя неслышимые для нас звуки. Я знала, что девочка изнывает от желания спросить, спасет ли колдун ее мать, но боялась обнадеживать ее, тем более, что смысла в происходящем едва ли намного больше.

Колдовство уже не раз отзывалось в моей крови, и я узнала эту тянущую боль, от которой в животе становилось пусто, а на сердце — так тяжело, словно случилось нечто ужасное и непоправимое. Если до сей поры я в глубине души допускала, что Хорвек зачем-то обманывает Ларго, то теперь поверила: он действительно сейчас колдовал над Домилой, растрачивая свои невеликие силы.